

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (88). С. 17–25.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (88). P. 17–25.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.002

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ
В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ
О ВОЛНЕНИЯХ СТУДЕНТОВ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1897 Г.)**

Орчакова Лариса Геннадьевна¹, Паршин Никита Сергеевич²

¹⁻²Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

¹OrchakovaLG@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9559-9930>

²history@parshinik.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3393-5058>

Аннотация. Рассмотрена проблема репрезентации этнополитического конфликта в Царстве Польском конца XIX в. на примере освещения австро-венгерской прессой студенческих волнений 1897 г. в Варшавском университете. Исследование основано на анализе публикаций краковских и львовских газет, а также делопроизводственных документов Российского государственного исторического архива (РГИА). В работе исследовано, как различные издания конструировали нарративы относительно состояния этнополитического конфликта между русским и польским народами, какие способы конструирования действительности использовались ими, какое отношение к сложному взаимоотношению двух народов они транслировали. Выявлены две основные тенденции в освещении конфликта австро-венгерской прессой: поддержка польско-русского примирения и сочувствие студентам, а также критика примирительных тенденций и осуждение студенческих выступлений. Подчёркнуто, что истинная причина конфликта была гораздо сложнее, чем тот образ, который конструировался прессой: польские студенты, выражая справедливое недовольство, не имели намерений разжигать межнациональную рознь или поднимать острые политические вопросы. Пресса же выполняла не только информационную, но и идеологическую функцию, существенно упрощала и поляризовала взгляды на происходящие события, зачастую подменяя реальные причины событий их эмоционально окрашенными интерпретациями.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, Царство Польское, Привислинский край, студенческие волнения, австро-венгерская пресса, русско-польские отношения, Варшавский университет, польско-русское примирение, пресса, нарративы

Для цитирования: Орчакова Л. Г., Паршин Н. С. Репрезентация этнополитического конфликта в Царстве Польском в австро-венгерской прессе (на примере материалов о волнениях студентов Варшавского университета 1897 г.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 17–25. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.002>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**REPRESENTATION OF ETHNOPOLITICAL CONFLICT IN THE KINGDOM OF POLAND
IN THE AUSTRO-HUNGARIAN PRESS
(BASED ON MATERIALS ON THE 1897 STUDENT UNREST AT WARSAW UNIVERSITY)**

Larisa G. Orchakova¹, Nikita S. Parshin²

¹⁻²Moscow City University, Moscow, Russia

¹OrchakovaLG@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9559-9930>

²history@parshinik.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3393-5058>

Abstract. The article addresses the issue of representing the ethno-political conflict in the Kingdom of Poland at the end of the 19th century, using the coverage of the 1897 student unrest at the University of Warsaw by the Austro-Hungarian press as a case study. The research is based on an analysis of publications in Kraków and Lviv newspapers, as well as administrative documents from the Russian

State Historical Archive (RGIA). The study examines how various publications constructed narratives about the state of the ethnopolitical conflict between the Russian and Polish peoples, what methods of constructing reality they employed, and what attitudes towards the complex relationship between the two peoples they conveyed. The research identifies two main trends in the Austro-Hungarian press's coverage of the conflict: support for Polish-Russian reconciliation and sympathy for the students, as well as criticism of reconciliatory tendencies and condemnation of the student protests. The paper emphasises that the true cause of the conflict was far more complex than the image constructed by the press: the Polish students, while expressing legitimate discontent, had no intention of inciting ethnic strife or raising sensitive political issues. The press, meanwhile, performed not only an informational but also an ideological function, significantly simplifying and polarising views on the unfolding events, often substituting the real causes of the events with emotionally charged interpretations.

Keywords: ethnopolitical conflict, Kingdom of Poland, Vistula Land, student unrest, Austro-Hungarian press, Russian-Polish relations, University of Warsaw, Polish-Russian reconciliation, press, narratives

For citation: Orchakova L. G., Parshin N. S. Representation of Ethnopolitical Conflict in the Kingdom of Poland in the Austro-Hungarian Press (Based on Materials on the 1897 Student Unrest at Warsaw University). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 17–25. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.002> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

С самого момента включения Царства Польского в состав Российской империи, произошедшего по итогам Венского конгресса 1814–1815 гг., данный край представлял собой особенную административную единицу, к которой коронные власти должны были искать особый подход в течение целого века. Это обуславливалось крайне негативным отношением польского народа к самому факту российского владычества на польских землях, что в течение XIX в. вылилось сразу в два крупных восстания – 1830–1831 и 1863–1864 гг.

В течение всего XIX в. состояние этнополитического конфликта между поляками и русскими в Царстве Польском находилось под пристальным вниманием зарубежной прессы, которая через свои публикации конструировала нарративы о природе российского государства, о борьбе польского народа за независимость, о положении поляков в Российской империи.

В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть репрезентацию этнополитического конфликта в Царстве Польском конца XIX в. в зарубежной прессе, издававшейся на польских территориях Австро-Венгрии на русском и польском языках.

Исследование направлено на выявление закономерностей репрезентации этнополитического конфликта в Царстве Польском в зарубежной прессе на материале освещения студенческих волнений 1897 г. в Варшавском университете посредством сопоставления документально зафиксированных событий с их интерпретацией в прессе.

Вопрос репрезентации «польского вопроса» в целом и польско-русского этнополитического конфликта, в частности, рассматривался в целом ряде исследований. В. Н. Корякин в своей статье изучал отражение польского вопроса в публикациях газеты американской «The New York Times» [4, с. 77–83], Р. А. Брыков рассматривал репрезентацию Польского восстания 1830–1831 гг. на страницах британских газет [1, с. 41–47], К. В. Шевченко делал акцент на отражении Польского восстания 1863–1864 гг. в словацкой прессе [14, с. 237–241]. Однако исследователи не затрагивали вопрос репрезентации русско-польских взаимоотношений в публицистических изданиях на «польских» территориях Австро-Венгрии. Данный вопрос обладает высокой научной значимостью, т. к. отражает дискуссии польского народа, разделенного на три государства, о статусе Польши, её отношениях с Россией и другими империями, возможном будущем польской государственности.

Ещё одной важной проблемой, представляющей интерес в рамках данного исследования, является функционирование системы цензуры в Царстве Польском. Данная исследовательская проблема была затронута в фундаментальной монографии М. Рольфа «Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой», в которой автор показал важность трансграничного обмена информацией в условиях работы цензурного ведомства в Привислинском крае [11]. Этой же проблематике посвящена статья А. И. Кибяша и А. А. Нариняна «Instytucje cenzury na ziemiach polskich w XIX–XX wieku» в польском журнале «Echa Przeszłości» [15, с. 225–235].

Источниковой базой исследования служит массив делопроизводственных документов, а также вырезки из австро-венгерских газет, содержащихся в Российском государственном историческом архиве [13]. Данные документы содержат детальную хронику студенческих волнений 1897 г. в Варшавском университете, информацию о ходе разбирательства в университетском суде, а также их отражение на страницах зарубежной прессы.

При написании данной работы были применены историко-критический, историко-сравнительный и хронологический методы исторического исследования. Работа базируется на историко-системном подходе, который позволяет выявить роль прессы в польском политическом дискурсе, проследить связь конкретных публикаций с более широкими историческими процессами.

Основная часть

В течение XIX в. отношения польского народа с российской государственностью и русским народом имели напряженный характер, обусловленный попытками поляков отвоевать независимость в ходе двух вооруженных восстаний. Стремление поляков к независимости порождало взаимные антипатии с российскими властями, подозрительное отношение коронной администрации к коренному населению Царства Польского и многочисленные узлы противостояния на самых разных, иногда даже абсолютно символических, уровнях – от вопроса о положении католического духовенства до языка преподавания в школах.

Однако представление о том, что польский народ на протяжении всего периода нахождения в составе Российской империи единственной целью во взаимодействии с имперскими властями видел борьбу за свою независимость, организацию восстаний и бунтов, направленных против нахождения в составе России, является упрощенным. Действительно, романтические идеи и идеи польского мессианизма первой половины XIX в. дали полякам определенную надежду на возможный позитивный исход революционной борьбы и противостояния с имперскими властями, что привело к обострению этнополитического конфликта с русским народом и явной конфронтации с ним [5, с. 20–49; 8, с. 71–114]. Однако характер польско-русских взаимоотношений менялся со временем: романтизм и бунтарство уходили в прошлое, приходило осознание того, что восстания ведут только к напрасным жертвам и не приносят желаемого результата.

Именно поэтому на смену романтическому мессианизму в польской общественной мысли в последней трети XIX в. пришел позитивизм, основной идеей которого было служение на благо польского народа делом, труд каждого поляка для развития своего края, возможность сотрудничества с коронными административными учреждениями, если это сотрудничество приносит пользу [9, с. 130–185; 10, с. 100–200]. Имперская администрация в конце XIX в. ответила взаимностью, и в правление генерал-губернатора А. К. Имеретинского российская власть была нацелена на сотрудничество с поляками при условии их лояльности российскому государству. Такое компромиссное «затишье» в публицистике получило название политики польско-русского примирения [11, с. 307–325].

Серьезным испытанием для данной политики примирения стала череда событий в 1897–1898 гг., связанных с сооружением памятника М. Н. Муравьеву в Вильне. Памятник данному имперскому государственному деятелю, внесшему огромный вклад в покорение польских земель, был санкционирован еще императором Александром III и должен был появиться за счет добровольных пожертвований [2, л. 3–8].

Но с самого момента появления идеи закладки памятника Муравьеву, задолго до его создания и формального торжественного открытия, этот факт вызвал недовольство в польском обществе. Причиной этого служила репутация в польском обществе самого М. Н. Муравьева, которого поляки воспринимали как «вешателя» из-за жесткого подавления Январского восстания в 1863–1864 гг. [7, с. 72–74].

В октябре 1898 г. группа из шести русских профессоров Варшавского университета направила приветственную телеграмму в честь закладки памятника М. Н. Муравьеву, которая была опубликована в «Виленском вестнике», и затем разошлась по польской прессе. Подписантами стали профессора Филевич, Зилов, Кулаковский, Грот, Карский и Смирнов. Данная телеграмма содержала искреннее одобрение установки памятника данному государственному деятелю: «Душевно присоединяемся к настоящему торжеству по поводу начатия постройки памятника великому государственному деятелю России гр. М. Муравьеву, освободившему Северо-Западный край от польско-католического ига и утвердившему ту истину, что край этот был и есть чисто русским. Да будет всегда благословлена память великого русского человека, гр. Муравьева» [13, л. 10].

Данная телеграмма вызвала резонанс в польском обществе, особенно в среде студентов польского происхождения, обучавшихся в Варшавском университете. Студенты-поляки разослали шести профессорам записку, в которой осудили подписанную ими телеграмму, высказали мысль о недопустимости чествования личности Муравьева: «Патриотизм можно почитать даже во враге, но простое злодейство и кровожадность не найдут одобрения среди людей, которые

хоть на долю совести сохранили еще остатки человеческого достоинства». Студенты польского происхождения призвали профессорско-преподавательский состав университета и всех остальных студентов объявить профессорам-подписантам приветственной телеграммы бойкот [13, л. 10].

24 октября студенты-поляки сорвали лекцию по русской истории профессора И. П. Филевича, препятствуя чтению лекции при помощи шума и свиста, а затем покинули аудиторию, оставив в учебном кабинете только 23 русских студента и самого профессора [13, л. 1–4]. Данная акция была спланированной, поскольку попечитель Варшавского учебного округа В. Н. Лигин отметил, что аудитория была переполнена, на данную акцию пришли студенты других направлений, у которых профессор Иван Порфирьевич Филевич не читал лекций [13, л. 6–7].

25 октября данная акция должна была повториться на лекции другого профессора-подписанта – П. А. Зилова. Русские студенты заняли первые ряды, польские учащиеся забили оставшуюся часть аудитории. Появление профессора в аудитории было встречено бурными овациями со стороны русских студентов, а также свистом, криками и топотом поляков, после чего в профессора была брошена калоша, и он был вынужден покинуть аудиторию. Без профессора в аудитории начались столкновения и брань между польским и русским студенчеством, после чего для успокоения присутствующих пришлось вмешаться университетской инспекции и лично попечителю Лигину. В результате уговоров со стороны попечителя студенты-поляки удалились из аудитории, а профессор вернулся и провел лекцию для оставшихся русских учащихся, по пути выслушав ругательства от поляков во дворе университета [13, л. 8–9].

Для выявления причин произошедшего в университетском суде было назначено разбирательство. С целью предотвращения перерастания беспорядков в межнациональный конфликт между русскими и польскими студентами университетская администрация и попечитель учебного округа провели профилактические беседы с десятью наиболее активными студентами поляками о недопустимости и опасности дальнейших акций, а также пообщались с русскими студентами, призвав их не способствовать эскалации конфликта в порыве поддержки русских профессоров. Русское общество в Варшаве совместно с русскоговорящими студентами Варшавского университета даже выпустили записку, в резких выражениях осуждающую польских студентов и призывающую увольнять поляков из университета, заменяя их русским элементом [13, л. 35].

Помимо этого, был ужесточён контроль посетителей лекций, а для предотвращения столкновений в университете стали дежурить польские студенты старших курсов, незаинтересованные в срыве учебного процесса. Наиболее неблагоприятным исходом попечитель Лигин видел ситуацию, если «университетское начальство окажется бессильным и тогда придётся прекратить чтение лекций, т.е. фактически закрыть университет, или обратиться к вмешательству военной власти, что сразу дискредитирует университет в глазах молодёжи местного общества» [13, л. 9–10].

Несмотря на обострение национального вопроса и конфликты между русскими и польскими студентами, проявившиеся в ходе беспорядков 24–25 октября, истинная мотивация польских студентов была высказана в ходе беседы самых активных протестующих учащихся с попечителем Лигиным. Студенты расценили содержание телеграммы профессоров как политическое и были возмущены именно моментом её отправки, поскольку она совпала по времени с выходом статей другого профессора о возможности духовного сближения русских профессоров с их польскими студентами. То есть фактически студенты были возмущены тем, что провокационная телеграмма появилась именно в разгар примирительной политики между поляками и русскими [13, л. 15–18].

Обстановка в университете оставалась напряженной еще несколько дней из-за неэффективной работы университетского суда, который усугубил ситуацию, занимаясь не расследованием беспорядков, а обвинительным допросом каждого возможного участника акций. Председатель суда профессор Азаревич даже высказал мысль, что среди студентов-поляков есть особо опасные представители, готовые на кровопролитие по отношению к русским товарищам, что, однако, было опровергнуто личным допросом данных учащихся ректором Зенгером [13, л. 21–22].

Одной из важнейших задач как руководства края в лице генерал-губернатора Имеретинского, так и руководства системой образования Царства Польского в лице попечителя округа Лигина, было недопущение разрастания волнений после оглашения приговора суда и его утверждения советом университета. Для этого были предприняты все возможные меры, чтобы приговор суда был как можно более справедливым и гуманным и не вызвал дополнительного недовольства в польском обществе в целом и среди польских студентов в частности. В результате многочисленных споров, торгов и переговоров с судом, университетским советом и ректором, итоговый приговор был сильно смягчён (табл. 1).

Таблица 1. Количество студентов, приговорённых к наказанию по решению университетского суда и решению, утверждённому Советом Варшавского университета (чел.) [13, л. 37–38]

Решение	Исключение на 3 года	Удаление на 1–2 года	Увольнение на 1 год	Выговор	Оправдано
Приговор суда	3	85	39	26	91
Приговор, утверждённый советом университета	1	25	58	61	99

Другой важной задачей имперских властей стало недопущение распространения информации о произошедших беспорядках и приговоре суда, о чем говорилось в переписке попечителя Лигина и генерал-губернатора Имеретинского [13, л. 19–20]. Действительно, цензурный механизм в Царстве Польском мог сильно ограничить распространение информации, т. к. печать подвергалась строгой предварительной цензуре в течение всего XIX в. [15, с. 225–230]. Однако в конце XIX в. удержать информацию в стенах университета было невозможно по двум причинам. Во-первых, колоссально возросший объем «внутренней» польской печати не позволял цензурному ведомству, имевшему ограниченный штат сотрудников, детально отслеживать все материалы. Во-вторых, в это время возрастало значение трансграничного обмена печатными изданиями, большинство из которых поступало в Царство Польское из соседней Австро-Венгрии [11, с. 239–242].

Именно в австро-венгерских печатных изданиях и нашли освещение студенческие волнения в Варшавском университете. Нужно отметить, что в первую очередь публикации появились в изданиях, издававшихся на территориях бывшей независимой Польши, отошедших в состав империи Габсбургов. Статьи о студенческих выступлениях появились в следующих изданиях: в краковской газете «Czas» (№ 257 от 29 октября 1897 г. и № 261 от 14 ноября 1897 г.) и львовской газете «Галичанин» (№ 248 от 30 октября 1897 г.), а также во львовском «Kurier Lwowski», чей материал был перепечатан в немецком «Allgemeine Zeitung» (№ 312 от 11 ноября 1897 г.).

Краковская газета «Czas» в своей публикации в крайне негативном ключе осветила сам факт закладки памятника графу Муравьеву: «Казалось, от идеи этого памятника откажутся, ведь мы живем уже не во времена, когда убийство более ста человек считалось героическим поступком, заслуживающим памятников». С такой же категоричностью в статье говорилось о том, что шесть профессоров, подписавших приветственную телеграмму, совершили необдуманный поступок: «Неужели эти профессора настолько ограничены, что полагают, будто телеграмма, говорящая об угнетении польского населения и католицизма, завоеует сердца их польских и католических слушателей?» [17, с. 2].

Газета «Czas» отметила, что профессора-подписанты фактически занимаются подрывом правительственной политики по примирению русских и поляков: «Потому что господа профессора не только ставят под сомнение примирительную политику правительства, но и являются его врагами». Авторы статьи выразили надежду на то, что руководство Царства Польского останется на гуманистических позициях и не будет применять суровых наказаний к студентам, т. к. «студенты выразили свое недовольство относительно мирно, не было ни беспорядков, ни сопротивления властям, поэтому нет основания для суровых наказаний» [17, с. 2].

Нужно, однако, отметить, что в статье краковской газеты не были упомянуты факты агрессивного поведения поляков, которые зафиксированы в делопроизводственной переписке: брошенная в профессора обувь, ругательства, столкновение с русскими студентами. Авторы статьи проигнорировали эти факты, представляя выраженное студентами недовольство исключительно мирным и приличным. Вероятно, это сделано специально, чтобы оправдать студентов, которые фактически выступали против подрыва примирительных устремлений российских властей.

Стоит отметить, что в данной статье также размещен комментарий одного из польских студентов, принявших участие в выступлениях, который подчеркнул гуманистическую направленность выступлений и отсутствие у студентов политической мотивации: «Мы не занимаемся политикой, мы не намерены навязывать нации политические указания. Мы оставляем это на усмотрение старшего поколения, но на этот раз должно быть оскорблено самое простое гуманитарное чувство» [17, с. 2]. Данный комментарий очень точно согласуется с материалами допроса студенческих активистов ректором Г. Э. Зенгером, где студенты также отрицали политическую мотивацию своих действий, но подчеркивали возмущение фактом такого отношения русских профессоров к чувствам своих польских учащихся [13, л. 21].

Такая компромиссная позиция газеты «Czas» по отношению как к студентам-полякам, так и к российскому правительству может быть объяснена тем, что газета являлась печатным органом польской политической партии «Станчики», которая находилась в хороших отношениях с монархией Габсбургов, а также выступала за компромисс с правительством и резко осуждала любые размышления о необходимости национально-освободительной борьбы польского народа [6, с. 2071–2072]. Такая позиция очень точно соотносилась с популярными идеями польского позитивизма. Именно поэтому в данной публикации прослеживается сочувствие к политике примирения между поляками и монархической властью в России, что подтверждено словами о том, что такие открытые методы выражения студентами своего недовольства не являются действенными в сложившейся ситуации [16, с. 1].

Схожей позиции придерживалась львовская газета «Kurjer Lwowski», издававшаяся на польском языке. Информация из данной газеты разошлась по европейским изданиям, например была перепечатана в немецком новостном таблоиде «Allgemeine Zeitung» [13, л. 24]. В маленькой заметке в немецкой газете можно проследить более глобальную позицию польского издания «Kurjer Lwowski» относительно студенческих волнений, несмотря на отсутствие таких подробностей произошедшего, какие приводились в других изданиях. В данной статье говорилось о том, что профессора-подписанты телеграммы были «выдворены» студентами со своих лекций, что сразу указывает на отношение к данным выступлениям как к справедливому и праведным, а к профессорам – как к лицам, заслуженно получившим подобное наказание. Отдельно в статье была упомянута личность графа Муравьева, которого называли «польским душителем» [13, л. 24].

Газета «Kurjer Lwowski» поддерживала польских национал-демократов и идеи расширения автономии польских земель в составе Российской империи. Такая позиция также соотносилась с основными положениями идей польского позитивизма о том, что более благоприятным является постепенное достижение автономии и работа на благо польского народа, нежели романтическая вера в успешное восстание и восстановление независимости польского государства [13, л. 24].

Другая львовская газета – «Галичанин» – в вопросе о студенческих беспорядках и отражении в них этнополитического конфликта заняла совершенно другую позицию. В статье данной газеты действия польских студентов представлены в крайне негативном ключе, приводя в качестве примера некоторые компрометирующие подробности выступлений, например кинутую в профессора калошу. Из-за таких подробностей автор статьи категорически отказывается признавать выступление студентов-поляков мирным, как это делают издательства пропольской ориентации (например, та же газета «Czas»): «пронзительные свистки, крики и удар калошей – польские газеты считают спокойной демонстрацией!» [13, л. 23].

Львовская газета отмечает, что выступление поляков носило явно антирусский характер, имели место грубые оскорбления всего русского народа. Кроме того, сам факт протеста не только против группы профессоров, но и против личности графа Муравьева расценивается как возмутительный. На этом основании газета «Галичанин» делает вывод о том, что примирительная политика российских властей неэффективна и не способствует успокоению края: «Под прикрытием примирительного флага они сооружают памятники своим «патриотам», ненавидящим нас всеми силами своей души, совершают публично заупокойные «жалобные набоженства» по лицам, которые в своих поэтических произведениях называли нас, русских, псами, т. е. собаками и вообще позволяют себе выходки, которые не практиковались в таких масштабах до водворения мнимо-примирительной эры» [13, л. 23].

Газета «Галичанин» в своей статье сделала акцент на ярко выраженном антирусском характере выступлений польских студентов, придавая данному событию политическую окраску. Однако эта трактовка не согласуется с показаниями самих студентов, данными при допросе в университетском суде и личных беседах с ректором Зенгером. Студенты однозначно указывали на гуманистическую мотивацию для своих действий и всячески отказывались от политизации протестных выступлений, и тем более от антирусских настроений. Более того, студентов задело именно содержание профессорской телеграммы, которое разрушало атмосферу примирения и подрывало возможность дальнейшего снижения напряженности между поляками и русскими [13, л. 21].

Тон «Галичанина» относительно студенческих выступлений отражал общую политико-идеологическую направленность данного издания. Газета «Галичанин» исходила из концепции единства русского народа во всех его ответвлениях. Именно поэтому газета крайне негативно относилась к любому проявлению общественно-политической активности со стороны поляков, считая это проявлением стремления добиться своей независимости.

Выводы

Таким образом, выступления польских студентов Варшавского университета 1897 г. стали одним из наиболее масштабных студенческих протестов в Царстве Польском. Поскольку недовольство студентов было спровоцировано телеграммой русских профессоров в поддержку закладки памятника М. Н. Муравьеву, эти протесты стали предметом различных спекуляций на тему состояния этнополитического конфликта между русским и польским народами, а также перспектив дальнейших взаимоотношений двух народов.

При освещении австро-венгерскими газетами выступлений польских студентов Варшавского университета можно выделить две основные тенденции. «Разделительной линией» в освещении этого события стала позиция издания относительно политики польско-русского примирения.

Издания, которые положительно оценивали компромисс в отношениях польского и русского народов, с сочувствием отнеслись к выступлениям студентов, протестовавших против вызывающе агрессивного тона русских профессоров. Те же издания, которые скептически отнеслись к примирительной политике и не верили в возможность завершения этнополитического конфликта между русскими и поляками, резко осудили студентов и поддержали профессоров. Они увидели в произошедшем чрезмерную свободу, предоставленную полякам в ходе примирительной политики.

Для конструирования выгодного нарратива издания прибегали к различным методам искажения реальных событий, что становится очевидным при перекрестной проверке текстов статей и делопроизводственной документации. Например, издания целенаправленно акцентировали внимание на тех аспектах протестов, которые было выгодно представить в рамках их позиции по вопросу этнополитического конфликта: приводили комментарии студентов, подтверждающие мирный характер выступлений, либо, напротив, подчеркивали агрессивный характер акции и примеры применения силы. Кроме того, издания прибегали к замалчиванию определенных фактов либо, наоборот, преувеличивали степень агрессивности и антирусских настроений среди поляков.

В действительности же проявление этнополитического конфликта в данных протестах является умеренным. Польские студенты, действительно, в порыве справедливого недовольства прибегли к некоторым грубым приемам, однако никаких намерений разжигать ненависть к русскому народу и русской культуре или поднимать сложные политические вопросы у них не было.

Таким образом, можно предположить, что печатные издания, транслировавшие различные нарративы относительно студенческих волнений, преследовали несколько целей. С одной стороны, они отражали интересы конкретных политических сил, имевших конкретное видение того, как должен быть разрешен «польский вопрос». С другой стороны, они формировали конкретный образ Российской империи, связанный со стратегией управления своими национальными окраинами.

Список источников

1. Брыков, Р. А. Польское восстание 1830–1831 гг. На страницах британских газет / Р. А. Брыков // Вестник науки и образования. – 2022. – № 4–2 (124). – С. 41–47.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 141.
3. Иванов, А. Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект / А. Е. Иванов // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 23–33.
4. Корякин, В. Н. Польский вопрос в объективе газеты «Нью-Йорк Таймс» начала 1860-х гг. / В. Н. Корякин // Американистика на Дальнем Востоке. – 2024. – № 3 (10). – С. 77–83. – doi: 10.48344/27824152_2024_3_77.
5. Красинский, З. Небожественная комедия / З. Красинский. – Москва : Скорпион, 1906. – 102 с.
6. Кретов, В. А. Борьба краковских консерваторов с традицией польских восстаний (1860–1870-е гг.) / В. А. Кретов // Столыпинский вестник. – 2022. – № 4. – С. 2063–2077. – doi: 10.55186/27131424_2022_4_2.
7. Лебедев, С. В. «Я не из тех Муравьевых, которых вешают...» Михаил Николаевич Муравьев-Виленский / С. В. Лебедев // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 1. – С. 72–74.
8. Мицкевич, А. Книги народа польского и польского пилигримства / А. Мицкевич. – Москва : В. В. Пашуканис, 1917. – 114 с.
9. Ожешко, Э. Над Неманом / Э. Ожешко. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 527 с.
10. Прус, Б. Форпост / Б. Прус. – Москва : Гослитиздат, 1950. – 240 с.
11. Рольф, М. Польские земли под властью Петербурга от Венского конгресса до Первой мировой войны / М. Рольф. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 571 с.

12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 2327.
13. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 150. – Д. 1461.
14. Шевченко, К. В. Польское восстание 1863 г. в словацком общественном мнении и прессе / К. В. Шевченко // Тетради по консерватизму. – 2023. – № 3. – С. 237–241. – doi: 10.24030/24092517-2023-0-3-237-241.
15. Kibysh, A. Instytucje cenzury na ziemiach polskich w XIX–XX wieku / A. Kibysh // Echa Przeszłości. – 2020. – № 21/2. – P. 225–235. – doi: 10.31648/ep.6353.
16. Korespondencya «Czasu» // Czas. – 1897. – № 261. – P. 1–2.
17. Z Warszawy // Czas. – 1897. – № 258. – P. 2.

References

1. Brykov, R. A. Polskoe vosstanie 1830–1831 gg. Na stranitsakh britanskikh gazet [The Polish Uprising of 1830–1831 in British Newspapers]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. 2022, no. 4–2 (124), pp. 41–47.
2. *State Archive of the Russian Federation*. Fund 811, inventory 1, case 141.
3. Ivanov, A. E. Russkiy universitet v Czarstve Polskom. Iz istorii universitetskoy politiki samodержaviya: natsionalnyy aspekt [Russian University in the Kingdom of Poland. From the History of University Policy under the Autocracy: The National Aspect]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1997, no. 6, pp. 23–33.
4. Koryakin, V. N. Polskiy vopros v obektive gazety «Nyu-Jork Tayms» nachala 1860-x gg. [The Polish Question as seen in the New York Times in the early 1860s.]. *Amerikanistika na Dalnem Vostoke* [American Studies in the Far East]. 2024, no. 3 (10), pp. 77–83.
5. Krasinskiy, Z. *Nebozhestvennaya komediya* [The Undivine Comedy]. Moscow: Skorpion; 1906, 102 p.
6. Kretov, V. A. Borba krakovskikh konservatorov s traditsiyey polskikh vosstaniy (1860–1870-e gg.) [The struggle of Krakow conservatives against the tradition of Polish uprisings (1860–1870s)]. *Stolypinskiy vestnik* [Stolypin Bulletin]. 2022, no. 4, pp. 2063–2077.
7. Lebedev, S. V. «Ya ne iz tekh Muravevykh, kotorykh veshayut...» Mikhail Nikolaevich Muravev-Vilenskiy [«I am not one of those Muravyovs who are hanged...» Mikhail Nikolaevich Muravyov-Vilenskiy]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 2004, no. 1, pp. 72–74.
8. Miczkevich, A. *Knigi naroda polskogo i polskogo pilgrimstva* [Books of the Polish people and Polish pilgrims]. Moscow: V. V. Pashukanis; 1917, 114 p.
9. Ozheshko, E. *Nad Nemanom* [Above the Neman]. Moscow: Goslitizdat; 1960, 527 p.
10. Prus, B. *Forpost* [The Outpost]. Moscow: Goslitizdat; 1950, 240 p.
11. Rolf, M. *Polskie zemli pod vlastyu Peterburga ot Venskogo kongressa do Pervoy mirovoy voyny* [Polish lands under the rule of St. Petersburg from the Congress of Vienna to the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020, 571 p.
12. *Russian State Historical Archives*. Fund 733, inventory 203, case 2327.
13. *Russian State Historical Archives*. Fund 733, inventory 150, case 1461.
14. Shevchenko, K. V. Polskoe vosstanie 1863 goda v slovatskom obshchestvennom mnenii i presse [The Polish Uprising of 1863 in Slovak public opinion and the press]. *Tetrad po konservatizmu* [Notebooks on conservatism]. 2023, no. 3, pp. 237–241.
15. Kibysh, A. Instytucje cenzury na ziemiach polskich w XIX–XX wieku [Censorship Institutions in Polish Lands in the 19th and 20th Centuries]. *Echa Przeszłości* [Echoes of the Past], 2020, no. 21/2, pp. 225–235.
16. Korespondencya «Czasu» [Correspondence from «Czas»]. *Czas* [Czas]. 1897, no. 261, pp. 1–2.
17. Z Warszawy [From Warsaw]. *Czas* [Czas], 1897, no. 258, p. 2.

Информация об авторах

Орчакова Л. Г. – доктор исторических наук, профессор;
Паршин Н. С. – аспирант.

Information about the authors

Orchakova L. G. – Doctor of Historical Sciences, Professor;
Parshin N. S. – postgraduate student.

Вклад авторов

Орчакова Л. Г. – научное руководство, разработка концепции исследования, доработка текста, итоговые выводы;

Паршин Н. С. – работа в библиотеке, архиве, обработка и представление данных, материалов источников, написание исходного текста статьи, сведение данных, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Orchakova L. G. – scientific supervision, development of the research concept, revision of the text, final conclusions,

Parshin N. S. – work in the library, archive, processing and presentation of data, source materials, writing the source text of the article, data aggregation final conclusions.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 29.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.